

НОВОСТИ

Музей полководца

ВОРОШИЛОВГРАД, 19. (Внештатный корр. «Правды» М. Мазалов). На родине лутянского слесаря, прославленного профтехучеления полководца и видного государственного деятеля К. Е. Ворошилова создается государственный музей его имени.

От близких и родных, мэршала, от ветеранов революции, гражданской и Великой Отечественной войн получены первые документы, фотографии, картины и другие экспонаты, рассказывающие о жизни и деятельности Климента Ефремовича Ворошилова.

Создан совет музея, в который вошли ветераны легендарной Первой конной армии, участники германского царского похода.

Зарплату — в сберкассе

УЛЬЯНОВСК, 19. (Внештатный корр. «Правды» Н. Малинин). На Димитровградском автоагрегатном заводе введен в оплату балансировщиками автомобилестроителей система выдачи зарплаты через сберегательные кассы. Ею пользуется уже свыше шести тысяч рабочих. Как правило, рабочий берет не всю получку сразу, в толико часть, зачисляя остаток на свой текущий счет. Благодаря этому приток вкладов в сберкассы увеличился на 20 процентов.

Детворе Приморья

ЛАДИВИСТОВСК, 19. (Корр. «Правды» Н. Брагчиков). Новая школа сдана в Уссурийске. Она — шестая по счету, построенная в последние времена для приморской детворы.

По ее образцу в десятой пятилке в городах и селах края будет построено еще несколько современных многоэтажных зданий на 50.000 мест. В классы и кабинеты поступят совершенные техническое оборудование. 380 восемилетних школ получат новинки — комбинированные кабинеты естествознания с полным набором приборов и реактивов для проведения лабораторных занятий.

Только на техническое оборудование школ в новом пятилке в Приморье будет израсходовано более четырех миллионов рублей.

Из глубин Каракумов

ЧАДДОЖО, 19. (Внештатный корр. «Правды» Н. Морозов). Караван верблюдов доставил из глубин Центральных Каракумов необычный груз: в объемистых вьюках — обломки черкаса — пустынного пастбища из которого получают лекарство для лечения гипертонии.

Для заготовителей целебного растения трехмесячная экспедиция оказалась на редкость удачной: весной в песках прошли обильные дожди. На Чаддожинский химфармацевт, где идет переработка ценных сортов, отправлено 100 тонн черкаса.

С ПЛЮБОВЬЮ К ПРИРОДЕ

Где обедает снегирь?

Лесная опушка. В загороды бреза спряталась рябина. Пояхают усевшиеся до земли ягоды. Помудрал: «Видимо, от десерт».

И не только птицы, но и птицы. Пол кустом лежат размазанные ягоды — следы обеда пернатых. Помудрал: «Видимо, от сытости».

Вышел на заснеженную лугу. И там в зарослях шиповника краснеет на снегу мякоть плодов. Такое проявление лесных обитателей. Из прибрежных кустарников вспыхнули красногру-

дые птички. Здесь тоже следы птичьего расточительства. Саже, на них взглян, винусе — мякоть — выброшено, зато ни одно семечко не осталось.

На второй лесной в сугениках открыла окно занавеску в замор для удивления: в палисаднике краине шиповника обрабатывали кусты таинственного ягодника. Наблюдаю отчего-то.

У дороги, которая разделяет старый бор с молодняком, была лягушка куница. Когда среди лесного бедствия неожиданно падала щепка, пешеходы оторвались от борта. А лягушка делал паузу. Не пылая себя, рассматривала с высоты горы. Пернатый куничек работал высоко, и люди его не пугали.

Бдитель насторожил в рядах

ФОТОКОНКУРС «ПРАВДЫ»

А. СЕМЕЛЯК (Москва). На концерте, (50 лет исполнилось детскому саду № 370 — одному из старейших в Октябрьском районе столицы). Л. МОРОЗОВА (Череповец). С мамой на прогулке.

СКВОЗЬ ВЕТРЫ ВРЕМЕНИ

Михаилу Дудину — 60 лет

О нем не надо рассказывать ленинградцам. Михаилу Дудину на берегах Невы знают от мала до велика: пioniры в людях познавшие, повсевременные. Давно для него Ленинград стал родным.

Крестьянский сын из деревни Клевено под Ивановом-Вознесенском, он сражался в морозную зиму 1939 года на Карельском перешейке, а с осени огненного сорока первого сноя с боями на фронте. Служил тогда во взводе разведки полковой батареи на полуострове Ханко — в германском Гангуте.

На борту корабля, оставляя избытки снарядами складисты берега Ханко, Дудин писал: «Пока сердца горячая кровью бьются, куда бы нас оно ни занесло, военное ктурое ремесло, мы сохраним традиции гангута».

Скоро страстный голос военного поэта услыхали в окопах и блинцах на юге, севере и востоке под Ленинградом. Повсюду читалось ставшее знаменитым дудинское стихотворение «Соловьи». Написанное в самый жестокий год блокады, оно звучало, да и теперь звучит как гимн жизни.

Умирая в летнем фронточеском лесу, смертельно раненный погибший солдат просил: «Ребята, напишите Полье. И сея сегодня пели соловьи...» И не в этот ли трагический миг тишины фронта для была произнесена клятва поэта никогда не забывать о солдатском призвании сражаться до конца за мир и честь.

Со страной «Ленинградской правды» Дудин призвал поставить в честь города величественный памятник героям ленинградской обороны и заложил основы для памятника героям блокады, оно звучало, да и теперь звучит как гимн жизни. Умирая в летнем фронточеском лесу, смертельно раненный погибший солдат просил: «Ребята, напишите Полье. И сея сегодня пели соловьи...» И не в этот ли трагический миг тишины фронта для была произнесена клятва поэта никогда не забывать о солдатском призвании сражаться до конца за мир и честь.

Дудин много работает, он пишет поэтические озорные, задорные Годы не стоящими погибшими, они придали ему мудрости. Как и прежде, он живет заботами и радостями народной жизни.

Широка программа этих строк. Они обращены к стелам, воротам и скульптурам, конструкторам стихотворцу. И сам Дудин следует своему призванию. Он ведет переписку с гангутским и знает, чем живут и погибают.

Дудину помнит боевые марши войны и вместе с В. Соловьевым-Седым создает песни, вот уже годы распеваемые ротами в походах:

Дудин помнит боевые марши войны и вместе с В. Соловьевым-Седым создает песни, вот уже годы распеваемые ротами в походах:

А для тебя, родина. Ему почта полевая. Прощай! Труба зовет. Солдаты — в поход!

Друзья Дудина — поэты свободной Кубы и борющиеся писатели чилийского революционного подполья. Он повидал множество стран и видел подкову боевой линии обороны, некогда охватывавшую осажденный город, превратившись в цветущий сад. И вотуже началися молодые деревни и поднялись на ветрах покоряя горы Дудин, как живая память отца, кто отстоял сибирь.

Большое место в его творческой биографии занимает переводы. Ему по душе стихи Кайсина, Кулевица и Мустая Карима, Валдиса Лукса и Ралфа Рэя. И они такие же его друзья, как армянский поэт Геворг Эмиш и эстонец Ральф Парве.

Дудин много работает, он пишет поэтические озорные, задорные Годы не стоящими погибшими, они придали ему мудрости. Как и прежде, он живет заботами и радостями народной жизни.

Широка программа этих строк. Они обращены к стелам, воротам и скульптурам, конструкторам стихотворцу. И сам Дудин следует своему призванию. Он ведет переписку с гангутским и знает, чем живут и погибают.

Дудин помнит боевые марши войны и вместе с В. Соловьевым-Седым создает песни, вот уже годы распеваемые ротами в походах:

А для тебя, родина. Ему почта полевая. Прощай! Труба зовет. Солдаты — в поход!

Друзья Дудина — поэты свободной Кубы и борющиеся писатели чилийского революционного подполья. Он повидал множество стран и видел подкову боевой линии обороны, некогда охватывавшую осажденный город, превратившись в цветущий сад. И вотуже началися молодые деревни и поднялись на ветрах покоряя горы Дудин, как живая память отца, кто отстоял сибирь.

Большое место в его творческой биографии занимает переводы. Ему по душе стихи Кайсина, Кулевица и Мустая Карима, Валдиса Лукса и Ралфа Рэя. И они такие же его друзья, как армянский поэт Геворг Эмиш и эстонец Ральф Парве.

Дудин много работает, он пишет поэтические озорные, задорные Годы не стоящими погибшими, они придали ему мудрости. Как и прежде, он живет заботами и радостями народной жизни.

Широка программа этих строк. Они обращены к стелам, воротам и скульптурам, конструкторам стихотворцу. И сам Дудин следует своему призванию. Он ведет переписку с гангутским и знает, чем живут и погибают.

Дудин помнит боевые марши войны и вместе с В. Соловьевым-Седым создает песни, вот уже годы распеваемые ротами в походах:

А для тебя, родина. Ему почта полевая. Прощай! Труба зовет. Солдаты — в поход!

Друзья Дудина — поэты свободной Кубы и борющиеся писатели чилийского революционного подполья. Он повидал множество стран и видел подкову боевой линии обороны, некогда охватывавшую осажденный город, превратившись в цветущий сад. И вотуже началися молодые деревни и поднялись на ветрах покоряя горы Дудин, как живая память отца, кто отстоял сибирь.

Большое место в его творческой биографии занимает переводы. Ему по душе стихи Кайсина, Кулевица и Мустая Карима, Валдиса Лукса и Ралфа Рэя. И они такие же его друзья, как армянский поэт Геворг Эмиш и эстонец Ральф Парве.

Дудин много работает, он пишет поэтические озорные, задорные Годы не стоящими погибшими, они придали ему мудрости. Как и прежде, он живет заботами и радостями народной жизни.

Широка программа этих строк. Они обращены к стелам, воротам и скульптурам, конструкторам стихотворцу. И сам Дудин следует своему призванию. Он ведет переписку с гангутским и знает, чем живут и погибают.

Дудин помнит боевые марши войны и вместе с В. Соловьевым-Седым создает песни, вот уже годы распеваемые ротами в походах:

А для тебя, родина. Ему почта полевая. Прощай! Труба зовет. Солдаты — в поход!

Друзья Дудина — поэты свободной Кубы и борющиеся писатели чилийского революционного подполья. Он повидал множество стран и видел подкову боевой линии обороны, некогда охватывавшую осажденный город, превратившись в цветущий сад. И вотуже началися молодые деревни и поднялись на ветрах покоряя горы Дудин, как живая память отца, кто отстоял сибирь.

Большое место в его творческой биографии занимает переводы. Ему по душе стихи Кайсина, Кулевица и Мустая Карима, Валдиса Лукса и Ралфа Рэя. И они такие же его друзья, как армянский поэт Геворг Эмиш и эстонец Ральф Парве.

Дудин много работает, он пишет поэтические озорные, задорные Годы не стоящими погибшими, они придали ему мудрости. Как и прежде, он живет заботами и радостями народной жизни.

Широка программа этих строк. Они обращены к стелам, воротам и скульптурам, конструкторам стихотворцу. И сам Дудин следует своему призванию. Он ведет переписку с гангутским и знает, чем живут и погибают.

Дудин помнит боевые марши войны и вместе с В. Соловьевым-Седым создает песни, вот уже годы распеваемые ротами в походах:

А для тебя, родина. Ему почта полевая. Прощай! Труба зовет. Солдаты — в поход!

Друзья Дудина — поэты свободной Кубы и борющиеся писатели чилийского революционного подполья. Он повидал множество стран и видел подкову боевой линии обороны, некогда охватывавшую осажденный город, превратившись в цветущий сад. И вотуже началися молодые деревни и поднялись на ветрах покоряя горы Дудин, как живая память отца, кто отстоял сибирь.

Большое место в его творческой биографии занимает переводы. Ему по душе стихи Кайсина, Кулевица и Мустая Карима, Валдиса Лукса и Ралфа Рэя. И они такие же его друзья, как армянский поэт Геворг Эмиш и эстонец Ральф Парве.

Дудин много работает, он пишет поэтические озорные, задорные Годы не стоящими погибшими, они придали ему мудрости. Как и прежде, он живет заботами и радостями народной жизни.

Широка программа этих строк. Они обращены к стелам, воротам и скульптурам, конструкторам стихотворцу. И сам Дудин следует своему призванию. Он ведет переписку с гангутским и знает, чем живут и погибают.

Дудин помнит боевые марши войны и вместе с В. Соловьевым-Седым создает песни, вот уже годы распеваемые ротами в походах:

А для тебя, родина. Ему почта полевая. Прощай! Труба зовет. Солдаты — в поход!

Друзья Дудина — поэты свободной Кубы и борющиеся писатели чилийского революционного подполья. Он повидал множество стран и видел подкову боевой линии обороны, некогда охватывавшую осажденный город, превратившись в цветущий сад. И вотуже началися молодые деревни и поднялись на ветрах покоряя горы Дудин, как живая память отца, кто отстоял сибирь.

Большое место в его творческой биографии занимает переводы. Ему по душе стихи Кайсина, Кулевица и Мустая Карима, Валдиса Лукса и Ралфа Рэя. И они такие же его друзья, как армянский поэт Геворг Эмиш и эстонец Ральф Парве.

Дудин много работает, он пишет поэтические озорные, задорные Годы не стоящими погибшими, они придали ему мудрости. Как и прежде, он живет заботами и радостями народной жизни.

Широка программа этих строк. Они обращены к стелам, воротам и скульптурам, конструкторам стихотворцу. И сам Дудин следует своему призванию. Он ведет переписку с гангутским и знает, чем живут и погибают.

Дудин помнит боевые марши войны и вместе с В. Соловьевым-Седым создает песни, вот уже годы распеваем